

Седьмая симфония Шостаковича: спустя 80 лет после премьеры легендарного музыкального произведения историки все еще открывают новые факты.

«Посвящается городу Ленинграду», – написал на рукописи симфонии, закончив ее, Дмитрий Шостакович. Эту партитуру вот уже 80 лет никто не видел.

А премьера замечательного произведения, пронизанного духом несломленного города, состоялась 5 марта 1942-го. Впервые ее услышали жители Куйбышева в исполнении оркестра Большого театра. Музыканты играли именно по той рукописи, где было начертанное рукой композитора посвящение гордому городу...

Сегодня впервые за прошедшие 80 лет Санкт-Петербургская академическая филармония посвящает этому событию международный историко-музыкальный проект «Седьмая симфония. Партитура памяти». О том, какие находки обнаружили историки, «Собеседнику» рассказала куратор проекта, доктор исторических наук, зам. директора Санкт-Петербургского института истории РАН Юлия КАНТОР.

Путешествие первой партитуры

– В 1942-м Седьмая симфония звучала в Куйбышеве (ныне Самара), затем в Москве, Новосибирске, Нью-Йорке, Лондоне и, конечно, в Ленинграде, Свердловске (ныне Екатеринбург), Тбилиси, Ереване и т.д. Именно в такой последовательности. Это, безусловно, была мировая премьера.

В Ленинграде симфония прозвучала 9 августа 1942-го – в исполнении оркестра Ленинградского радиокомитета под руководством Карла Элиасберга, и это был настоящий подвиг.

И теперь, в день 80-летия ленинградской премьеры, в Большом зале Петербургской филармонии состоится историко-музыкальный проект «Партитура памяти»: впервые с 1942-го филармония будет работать в августе. Вновь прозвучит Седьмая (этим произведением традиционно открывается каждый сезон), пройдет научный форум и откроется мемориальная выставка.

В такой, казалось бы, известной теме, как ни парадоксально, сразу обнаружились трудности: например, как восстановить не только географическую, но и документальную, предметную «карту памяти»? В Петербурге ведь находится многое, но далеко не всё.

Во-первых, были нужны афиши и программки исполнения Седьмой симфонии в тех городах, где она звучала в 1942-м. Например, в Москве ее исполняли 29 марта 1942-го в Колонном зале Дома союзов. Может, у них осталась? Звоню директору Российского национального музея музыки Михаилу Аркадьевичу Брызгалову.

– Да, афиша у нас, – обрадовал он и добавил: – Вообще-то у нас есть и первая партитура...

– Как? – я была ошарашена. – Она же у нас, в Петербурге.

Брызгалов сказал, что проверит. Перезванивает быстро:

Партитура памяти

После премьеры Седьмую симфонию исполняли уже постоянно

– Все-таки она в Москве. Только что вместе с хранителем смотрели экспонат. Куйбышевская партитура, с посвящением. (В Петербурге тоже хранится реликвия – экземпляр, доставленный в блокадный город в июле 1942-го для оркестра радиокомитета.) И знаете, как она попала в Москву? В 1943-м ее передал музею сам Шостакович, вернувшийся из эвакуации в столицу. И она никогда не покидала музей. В августе этот раритет, на котором композитор написал посвящение родному городу, приедет в Петербург.

Из Москвы придут и другие артефакты. Например, редкие документы (из архива социально-политической истории) – о выдвижении Шостаковича в 1942-м на Сталинскую премию и голосование по этому вопросу.

Камертон и палочка

– Я очень обрадовалась, когда узнала, что среди вещей, принадлежавших Карлу Элиасбергу, в петербургском Музее музыкального

великий композитор и гениальный дирижер), на который мы положили первую партитуру симфонии, – рассказала Юлия Кантор. – Не забыты, конечно, и музыканты. И тут еще одна находка. В Музее истории Санкт-Петербурга хранится коллекция, где есть концертный фрак одного из них и валторна, «участвовавшие» в исполнении 9 августа 1942-го. Вообще-то я разговаривала с некоторыми из музыкантов того оркестра. Это было лет 20 назад... Эти интервью также «звучат» на выставке.

и театрального искусства есть и камертон. Это ведь не просто экспонат – это еще и символ, он в прямом смысле слова давал музыкантам оркестра настрой на победу. В тот страшный год, когда в блокадном городе оркестр репетировал симфонию, некоторые музыканты так и не дожили до премьеры: они умирали от истощения. Но на их место приходили другие. Люди шли к победе. Бывает, что из рук падает знамя, а бывает – дирижерская палочка или смычок. И тогда ее подхватывает другой: чтобы победить, доиграв. Так вот, они доиграли и победили. Причем победили в 1942-м, что очень важно.

Поэтому я так стремилась отыскать и дирижерскую палочку Элиасберга, которая была с ним в тот день, 9 августа 1942-го. Без этих предметов выставка была бы неполной.

Но чего я никак не могла ожидать, так это того, что там обнаружатся еще и неопубликованные письма Шостаковича, которые он писал из Куйбышева в Ленинград матери. Писал той самой страшной зимой 1941/1942 года...

Неопубликованные письма

– В этих письмах – сюжеты жизни великого композитора, но это во многом такие же будни, какие были в те годы у миллионов советских людей. Шостакович пишет, что не понимает, поче-

Пюпитр и фрак

– Будет еще пюпитр Элиасберга (по сути, в истории Седьмой симфонии рядом всегда два героя: великий композитор и гениальный дирижер), на который мы положили первую партитуру симфонии, – рассказала Юлия Кантор. – Не забыты, конечно, и музыканты. И тут еще одна находка. В Музее истории Санкт-Петербурга хранится коллекция, где есть концертный фрак одного из них и валторна, «участвовавшие» в исполнении 9 августа 1942-го. Вообще-то я разговаривала с некоторыми из музыкантов того оркестра. Это было лет 20 назад... Эти интервью также «звучат» на выставке.

му мать ему не отвечает. Очень волнуется: «Что там у вас происходит?»

Рассказывает, как они с женой и двумя детьми устроились в Куйбышеве. Пишет, что эвакуированных поселили в школе, что живут они в школьном классе, что им на всю семью дали 2 матраса. Что их место – под окном, из которого дует, и сын (Максим) заболел. Даже думали, что пневмония. Что у него самого нервы немного расшатаны...

Шостакович пишет матери, что при этом все же продолжает работать над финалом своей новой Седьмой симфонии, а вскоре начнет работать над корректурой...

Эти письма мы также покажем на выставке.

А еще до эвакуации Шостаковича в Куйбышев Ольга Берггольц 17 сентября 1941-го пригласила его в эфир на Ленинградское радио. Только-только, 8 сентября, началась блокада. И композитор рассказывал, что буквально за час до эфира закончил вторую часть нового произведения, которое (если оно будет удачно закончено) станет Седьмой симфонией...

Черновик рукописи этого выступления хранится в Музее истории Петербурга. И это документально подтвержденный автограф Шостаковича, где компо-

На крыше консерватории. Шостакович, как и многие ленинградцы, тушил зажигательные бомбы, которые фашисты бросали на город

зитор едва ли не впервые упоминает о том, что начал работу над симфонией. Вот такое сближение музыки и жизни.

Шостакович тушил зажигательные бомбы

– Известная на весь мир фотография (ее публиковали все мировые СМИ): композитор стоит на крыше Ленинградской консерватории в каске пожарного. Это конец лета – начало осени 1941-го. Тогда ленинградцы по очереди дежурили на крышах: противовоздушная оборона. В том числе и Шостакович.

Мне нужно было найти для выставки нечто «говорящее», связанное с противовоздушной обороной... Из петербургского Музея политической истории России на выставку придут щипцы для захвата «зажигалок» и корпус зажигательной бомбы.

Из того же музея пришлют плитку столярного клея – из

него в окруженном фашистами Ленинграде делали студень. И хлебные карточки – знаменитые 125 блокадных граммов. Обязательно покажем и документы о смертности в городе зимой – весной 1942-го из архива УФСБ. Это как раз то время, когда оркестр под руководством Карла Элиасберга возобновил работу после того, как она прервалась в ноябре 1941-го.

В Центральном архиве литературы и искусства Петербурга находятся фонды Ленинградского радиокомитета и филармонии. Фактически повседневная летопись. Из этих документов можно узнать, как существовал оркестр в то непростое время. Как музыканты просят свечи, чтобы репетировать (электричества уже не было). Как просят дров, чтобы топить буржуйки. Им выделяют, причем с указанием: топить не чаще одного раза в день, потому что дров не хватает. Как им нужны валенки, потому что музыканты, как и все ленинградцы, дежурят на крышах. И так далее.

Эти бытовые подробности очень важны, потому что даже сейчас и даже в Петербурге мало кто знает, что такое условия блокадного Ленинграда.

Мы обязательно постараемся воссоздать атмосферу блокадного города, показать, в каких условиях работал оркестр. И чем для истощенных ленинградцев стала Седьмая симфония.

Не случайно эмблемой нашего проекта стали два перекрещивающихся луча военных прожекторов. Один из них – это музыкальная фраза из симфонии. Это

мощный луч звука, разрывающий глухой мрак.

Британское посольство в Куйбышеве писало...

– Буквально на днях поступила информация: афиша самого первого исполнения симфонии 5 марта 1942-го в Куйбышеве хранится в Самарской областной научной библиотеке. И ее можно будет увидеть на нашей выставке. Но и это не всё.

Оказывается, британское посольство (в то время находилось в эвакуации в Куйбышеве) выпустило газету «Британский союзник» на русском языке. В одном из номеров есть интервью Генри Вуда (дирижировал Седьмой симфонией в Лондоне 22 июня 1942-го), где он делится впечатлениями от этой музыки и от премьеры. И этот номер газеты, также из коллекции библиотеки, тоже будет на нашей выставке.

/Елена Скворцова.